

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4521

УДК 821.161.1.09"18"+930.25

И. Л. Волгин*Московский государственный университет
(Москва, Российская Федерация)*

mail@volgin.ru

Омский контекст. Новые реалии и находки*

Аннотация. В статье подвергаются аналитическому рассмотрению результаты поисков, проведенных группой молодых исследователей в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Участвуя в руководимом автором статьи научном проекте, М. Калинин, Е. Огородникова, А. Подрябинкина выявили неизвестные ранее архивные документы, относящиеся к периоду пребывания Достоевского на омской каторге, к реальному историческому контексту «Записок из Мертвого дома». В статье содержится ряд наблюдений и предположений, связанных с прототипами некоторых героев, с особенностями их биографий и возможным влиянием этого «биографического фактора» на судьбу Достоевского. Предлагается также критическая оценка (проблема авторства, степень достоверности и т. д.) впервые публикуемых на русском языке фрагментов из воспоминаний Юзефа Богуславского.

Ключевые слова: Достоевский, Записки из Мертвого дома, Российский государственный военно-исторический архив, прототипы, Богуславский, Токаржевский, омский острог, каторга, польский след

Об авторе: *Волгин Игорь Леонидович* — доктор филологических наук, кандидат исторических наук, основатель и президент Фонда Достоевского, профессор факультета журналистики, Московский государственный университет (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, 119019)

Дата поступления: 10.01.2020

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Волгин И. Л. Омский контекст. Новые реалии и находки // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 1. — С. 42–50. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4521

Неизвестно, знал ли пребывавший на омской каторге Достоевский стихотворение Пушкина «Во глубине сибирских руд...» (оно распространялось преимущественно в списках) и старался ли он там сохранять «гордое терпенье». Но то, что эти четыре года стали поворотным и, возможно, определяющим событием в его судьбе, не вызывает сомнений. Недаром в конце жизни он полушутя говорил В. С. Соловьеву, что попади тот на тройку лет в каторжную работу, то, возможно, стал бы прекрасным человеком и чистым христианином¹.

В «Записках из Мертвого дома» — первой в отечественной литературе каторжной прозе (которую Л. Н. Толстой — к вящему смущению автора — ставил даже «выше» Пушкина) воссоздан мир, совершенно неведомый тогдашнему образованному читателю. Границы культурного поля были отважно раздвинуты: в сферу общего интереса впервые вводились реалии, представлявшие сокрытую, но весьма значимую область национальной жизни.

Однако уникальность «Записок из Мертвого дома» заключается не только в этом. Необычным являлся и сам жанр. Это были именно *Записки*: они подразумевали сугубо автобиографические мотивы, основанные на уникальном опыте автора. С другой стороны, это была именно художественная проза, дающая свободу как авторскому воображению, так и авторской воле. Перед исследователями всегда возникал вопрос о соотносительности фактической подосновы «Записок...» с ее творческой трансформацией в тексте, о «прототипичности» персонажей и о документальных источниках, позволяющих глубже проникнуть в «закулисы» повествования.

Весной 2019 г., начиная свой спецсеминар на втором курсе факультета журналистики МГУ, я предложил трем, на мой взгляд, наиболее склонным к научной работе студентам — 19-летним М. Калинину, А. Подрябинкиной и 20-летней Е. Огородниковой начать поиски в Российском государственном военно-историческом архиве. Поскольку Омская крепость в плане управления подлежала военному ведомству, именно здесь, в фондах РГВИА, должны были отложиться соответствующие документальные материалы. И хотя с фактической стороны история «Записок из Мертвого дома» достаточно хорошо исследована, имелись основания полагать, что вновь предпринятые усилия могут оказаться бесполезными.

Эти предположения подтвердились. За несколько месяцев упорной работы молодые исследователи («архивны юноши», как бы сказал Пушкин, пренебрегая гендерными различиями) — ныне студенты 3-го курса — настолько продвинулись в своих изысканиях, что я счел возможным включить их в качестве равноправных участников в научный проект «Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)».

Конечно, здесь наличествовала известная доля риска. В проектах, поддержанных РФФИ, как правило «задействованы» специалисты, пользующиеся признанием профессионального сообщества. Введение в этот ученый

круг молодых людей, хотя и полных энтузиазма, но еще не обладающих широким научным кругозором и навыками архивной работы, не обязательно могло повести к желаемым результатам.

Я вспомнил, однако, как в далекие студенческие годы нас, начинающих историков, привел в ГА РФ (тогда именуемый ЦГАОР) наш любимый профессор — Петр Андреевич Зайончковский. И мы были «сходу» приобщены к таинству архивных поисков и горечи архивных разочарований (см.: [Волгин, 2019b]).

Работы молодых исследователей, представленные в этом номере журнала «Неизвестный Достоевский», касаются обстоятельств, связанных с пребыванием Достоевского на каторге. Это новые биографические сведения о предполагаемых прототипах, воспоминания, впервые переведенные на русский с польского языка и, наконец, математические измерения самого пространства каторги — ее территории, казарм и других относящихся к ней объектов.

Статья *М. Калинина* счастливо вписывается в то исследовательское направление, благодаря которому были выявлены реальные прототипы многих персонажей «Записок...». Вновь обнаруженные автором архивные документы позволяют заполнить лакуны в биографии плац-майора В. Г. Кривцова, одного из главных «антигероев» Достоевского. «Меня Бог от него избавил», — говорит повествователь (Горянчиков), отвергая тем самым позднейшую версию о телесном наказании автора «Записок...» (хотя подобная попытка Кривцовым и была предпринята). Характеристика плац-майора, данная Достоевским, подтверждается свидетельствами иных очевидцев. С другой стороны, архивное дело 1898 г. (минуло почти полвека после описанных Достоевским событий!) «О назначении пенсии вдове подполковника В. Кривцова» с приложенным к нему указом 1856 г. об его отставке позволяют сделать важные наблюдения. Во-первых, плац-майор получил полагающийся ему при отставке следующий чин, несмотря на пребывание под следствием (от которого, впрочем, он был освобожден). А во-вторых, не находит доказательств высказываемое порой предположение, что он был уволен со службы якобы за злоупотребление каторжной властью: ему были поставлены в вину иные прегрешения.

Более того, послужной список Кривцова содержит неизвестные ранее факты о боевом прошлом плац-майора и его воинских заслугах. Вряд ли эта информация была известна Достоевскому. Тем знаменательнее, что повествователь дает понять: несчастный характер местного крепостного тирана отнюдь не есть изначальная, врожденная принадлежность его натуры. Это результат долгого процесса расчеловечивания, предавшего ему звериный образ и оставившего лишь жалкие остатки человеческой природы (любовь к Трезорке и др.).

Нам известен теперь служебный путь и другого персонажа «Записок...» — подполковника Г-кова (Ивана Гладышева) — «добротного начальника», изображенного как бы в качестве антипода плац-майора. Неожидан и интересен тот

факт, что и Достоевский, и Гладышев — с разницей в полгода — служили в Санкт-Петербургской инженерной команде. Если даже они и не были знакомы (а вероятность этого нельзя исключить), то все равно подобное обстоятельство, стань оно им известно, не могло не повлиять на отношение инженер-подполковника Гладышева к бывшему инженер-подпоручику Достоевскому.

Таких «странных сближений» обнаруживается немало.

В ходе работы над проектом мне довелось обратить внимание его участников на еще одно любопытное обстоятельство. Прототип старшего доктора в «Записках из Мертвого дома» — главный врач Омского военного госпиталя И. Троицкий окончил, согласно вновь найденным документам, медицинский факультет Московского императорского университета. В те годы профессором этого факультета (а некоторое время — исполняющим должность декана) был «ученый-дедушка», дядя матери Достоевского В. М. Котельницкий, памятный писателю с детства: Василий Михайлович постоянно общался со своими молодыми племянниками. Если предположить, что факт этой родственной близости стал известен Троицкому (а такая вероятность весьма велика), тогда выясняется дополнительная причина его покровительства писателю-каторжанину. Госпиталь, помимо прочего, был тем единственным местом, где Достоевский мог закрепить (оформить) текст своей «Сибирской тетради». Заметим, что записи в этом самодельном, сшитом из разных листов манускрипте сделаны чернилами. Если это не позднейшая копия с неизвестного оригинала, то такие заметки могли быть произведены только во время пребывания автора в госпитале и, разумеется, при доброжелательном попустительстве медицинского начальства.

Другое наше наблюдение касается не названного в «Записках...» по имени «одного молодого лекаря», прототипом которого считается Я. Я. Ловчинский. Как явствует из приводимых М. Калининым документов, «молодой лекарь» происходил из однодворцев Брацловского уезда Подольской губернии. То есть — из тех присоединенных к России земель бывшей Речи Посполитой, где обитали ближайшие предки Достоевского и где родился его отец. Правда, нет уверенности, что узник Мертвого дома знал эти генеалогические подробности. В указанный период он имел довольно смутное представление о своих родовых корнях. Скорее всего, у «ласкового, приветливого ординатора» Я. Я. Ловчинского (с его «польской» фамилией) могли найтись и другие основания для доброго отношения к человеку со «схожим» антропонимом.

Присутствующая в «Записках из Мертвого дома» польская тема получила довольно подробное освещение в специальной литературе. Исследование А. Подрябкиной, впервые представившей на русском языке фрагменты из воспоминаний Юзефа Богуславского, существенно дополняет и уточняет этот сюжет.

Разумеется, воспоминания Ю. Богуславского — довольно ценный источник. Но применительно к публикуемой здесь главе о Достоевском и Дурове уместно задаваться вопросом: когда был написан этот текст и в какой мере можно атрибутировать его Ю. Богуславскому?

Известно, что автор мемуаров, вышедший из каторги в 1855 г. и вскоре вернувшийся на родину, умер в Ченстохове в 1857 г. (по другим сведениям — в 1859 г). Между тем в воспоминаниях он характеризует своего товарища по каторге следующим образом: «...пресловутый романист, о котором кричали на всех перекрестках, автор “Бедных людей” и других меньших или больших по размеру повестей, слава Севера, огромный талант и расхваленная знаменитость» [Подрябинкина]. Этот текст почти дословно совпадает с воспоминаниями Шимона Токаржевского: «Ф. М. Достоевский — этот чрезмерно превознесенный беллетрист, автор “Бедных людей”, эта слава северной столицы, сразу показался нам человеком, который не дорос до своей славы...»².

Конечно, в годы их совместного заключения Богуславский не мог не знать, что Достоевский — довольно известный петербургский литератор. Но эпитеты, прилагаемые им к автору «Бедных людей», несоразмерны с той сравнительно скромной писательской репутацией, которой он обладал до и во время своего пребывания в Сибири. Все эти определения соотносятся с более поздней эпохой: можно даже сказать, с литературным посмертием автора «Братьев Карамазовых». Подобные оценки как бы инкорпорированы «оттуда» в текст Богуславского.

Такие же поразительные совпадения с «текстом Богуславского» можно обнаружить у Токаржевского — там, где он говорит о взглядах Достоевского относительно Украины, Волыни, Подолии, Литвы и др.³ Причем и в этом случае формулировки совпадают почти дословно. «Слушая эти мнения, мы приходили к убеждению, что Ф. М. Достоевский в известных пунктах страдает умственным расстройством» (Ш. Токаржевский)⁴. «Слушая не раз такой абсурд от человека, от которого стоило бы ожидать чего-нибудь большего, я задумывался, а не сошел ли он часом с ума» (Ю. Богуславский) (цит. по: [Подрябинкина]). Этот нехитрый тезис через много лет будет подхвачен русской либеральной печатью. Или, что вероятнее, подсказан этой печатью одному из авторов воспоминаний.

Не менее сомнительно утверждение, что Достоевский (на чье польское происхождение не без грусти намекают оба польских мемуариста) как истый москаль ненавидел поляков. Сочувственные, полные глубокой приязни слова (в том числе, по адресу Токаржевского и Богуславского), которыми в «Записках...» удостоены польские узники («им было очень тяжело, гораздо тяжелее, чем нам»⁵ и др.) не дают для подобных обвинений никаких оснований. Скорее, в словах Богуславского можно усмотреть реакцию уязвленного национального самолюбия, отвергающего любые возражения и демонизирующего оппонента.

Еще больше вопросов вызвало у нас то место воспоминаний Богуславского, где он характеризует отношение Достоевского к событиям Крымской войны. Об отступлении русских войск от Дуная осенью 1853 г. насельник Омской крепости еще мог быть как-то осведомлен. Но, выйдя из каторги 23 января 1854 г., он никоим образом не сподобился бы обсуждать с Богуславским переход русской армии через Дунай, который состоялся лишь в марте. (Особенно трогательна рисуемая автором воспоминаний *натуральная* сцена: дико озираясь и негодуя, Достоевский пальцем расковыривает печные трещинки.)

Непонятно также, каким образом тяжело больной Богуславский, писавший свои записки во время лечения в далеком Карлсбаде в 1857 г. (и вскоре после этого умерший), мог ведать о недавно (1856 г.) полученном Достоевским первом офицерском чине и о женитьбе писателя «на вдове» (брак состоялся в Кузнецке 6 февраля 1857 г.). Невелика вероятность и того, что Богуславский знал о *патриотических* стихах 1855–1856 гг., представленных Достоевским по начальству — с единственной, сугубо прагматической целью: получить разрешение печататься. Эти действительно не очень высокого качества творения были рассмотрены в Петербурге, но к желаемому результату не привели (см.: [Волгин, 2019a]). Правда, об этих стихах ходили слухи, но вряд ли они могли дойти до автора мемуаров⁶.

И уж совсем неправдоподобно выглядит заявление мемуариста (или тех, кто предназначал его рукопись для печати), что Достоевский готов был донести на своих польских собеседников — дабы они «сгнили в заключении». Это не только не согласуется с нравственным обликом автора «Записок...», но и идет вразрез со всей линией его жизни (стоит хотя бы вспомнить поведение петропавловского узника во время следствия 1849 г. (см.: [Волгин, 2018])).

Подобные инвективы столь же убедительны, сколь другое утверждение мемуариста: что «все» петрашевцы «были друг на друга похожи <...> каждый очень любил или выпивку, или игру в карты» (цит. по: [Подрябинкина])⁷.

Очевидно, пора окончательно прояснить вопрос о степени чужого вмешательства в текст воспоминаний Богуславского, прежде всего — о наличии в нем позднейших вставок. В этом отношении был бы уместен сравнительный анализ рукописи (автограф? копия? исправленная редакция?), хранящейся в архиве Ягеллонской библиотеки, с другими источниками.

Несомненно, характеристики, даваемые Токаржевским и Богуславским своему товарищу по несчастью, коренятся в том конфликте, который, нося сугубо идеологический характер, повел к прекращению отношений автора «Записок...» с упомянутыми лицами. Разрыв (ссора с Б-ским или Б., который аттестуется в «Записках...» как человек «раздражительный и нервный, но в сущности предобрый и великодушный» [Достоевский, 4: 209]) оказался весьма чувствительным для Достоевского («это было мне очень больно: мы

уже много разделили вместе» [Достоевский, 4: 216]). Его соузники, увы, не выказали таких огорчений.

Переходя к работе *Е. Огородниковой*, следует сказать, что главные усилия направлены на тщательное исследование того каторжного (и, частично, городского) пространства.

В этом смысле существенно уточнение терминов. Вторая Омская крепость — это расположенный под защитой крепостных стен город, внутри которого, огороженный тыном, помещался острог. Уточнено также местонахождение военного госпиталя, который, как можно понять, находился вне острога, к северу от крепости.

Целенаправленная работа с архивными документами позволила автору предметно, с математической точностью воспроизвести тот мир, который в «Записках из Мертвого дома» является, кроме прочего, и художественным созданием, мощным смысловым образом, символом и эмблемой. Значительное количество бытовых подробностей в «Записках...» обретает точное измерение — так алгеброй поверяется гармония.

Анализ крепостных (острожных) чертежей позволил не только исчислить площадь отдельных помещений, где находились Достоевский и его товарищи, но даже определить, куда выходили окна тех или иных казарм и когда заглядывало в них солнце. Теперь нам известны как общая площадь острога (46,6 соток и 75 метров — максимальное расстояние, которое можно было пройти по прямой), так и то пространство, которое в среднем приходилось на каждого заключенного. Важны даже такие, казалось бы, мелочи (для обитателей Мертвого дома они вовсе не были таковыми!), как наклон каторжных нар и площадь каждого спального места. Тюремный театр, столь впечатляюще описанный Достоевским, кухня и даже помойная яма — все это получает в работе *Е. Огородниковой* наглядный «математический вид». Это дает взыскательному читателю возможность «на физическом плане» дополнить тот объем впечатлений, который потенциально заложен в «Записках из Мертвого дома».

Публикуемые статьи *М. Калинина*, *Е. Огородниковой*, *А. Подрябинкиной* — наших начинающих и, пожалуй, самых молодых достоевсковедов, внушают надежду. Они свидетельствуют, что у той отрасли науки, которой мы все привержены, есть будущее.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).

¹ См.: [Стахеев: 86].

² Храевич В. Ф. М. Достоевский по воспоминаниям ссыльного поляка // Русская старина. 1910. № 3. С. 605–606 (это первый перевод на русский язык фрагментов из воспоминаний Ш. Токаржевского). См. также: [Токаржевский].

³ «Достоевский <...> ненавидел поляков, потому что по чертам его лица и по фамилии, увы! можно было узнать его польское происхождение; он говорил, что если бы знал,

что в его жилах течет хоть одна капля польской крови, то велел бы тотчас же ее выпустить. Как больно было слушать, когда этот заговорщик, этот человек, приговоренный к казни за свободу и прогресс, заявлял, что тогда только почувствует себя счастливым, когда все перейдут под господство России, под власть кнута. Он никогда не говорил, что Украина, Вольнь, Подолия, Литва, что, наконец, вся Польша — край “забранный” (т. е. отнятый, завоеванный), но доказывал, что все эти пространства являются исконною собственностью России, что рука Божией справедливости отдала эти области, эти края под скипетр царя, так как они не могли существовать самостоятельно и долго еще пребывали бы во тьме, варварстве и бедности. Прибалтийский край <...> это подлинная Русь; Сибирь и Кавказ — тоже» (Русская старина. 1910. № 3. С. 610)

⁴ Там же.

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 4. С. 210.

⁶ Можно предположить, что об этих стихах позднее слышал Токаржевский. См. очень схожий с текстом Богуславского пассаж в его, Токаржевского, воспоминаниях (Русская старина. 1910. № 3. С. 601).

⁷ Справедливости ради заметим, что некоторые факты, изложенные Богуславским и Токаржевским, находят свидетельское подтверждение. Так, казалось бы, их ни на чем не основанное замечание о пропитанности вновь прибывших Достоевского и Дурова «йодом и ртутью» корреспондирует с малоизвестным письмом священника А. И. Сулоцкого к М. А. Фонвизину (февраль 1850 г.): «Достоевский с самого прибытия поступил в госпиталь и пробудет там долго: дорогой раскрылась у него старая Венера <...>» (ОР РГБ. Ф. 319. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 7–7 об. Ср.: Литературное наследство. М.: Наука, 1956. Т. 60. Кн. I. Ч. 2. С. 624 (опубликовано частично)). В современной медицине бытует мнение, что избыток йода может способствовать проявлению эпилепсии. Напомним, что согласно официальному заключению, именно в 1850 г. Достоевский в первый раз был сокрушен приступом «священной болезни».

Список литературы

1. Волгин И. Л. Пропавший заговор. Достоевский: дорога на эшафот. — М.: Академический проект, 2018. — 869 с.
2. Волгин И. Л. «Стихи не твоя специальность» // Волгин И. Л. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — С. 264–271. (а)
3. Волгин И. Л. Урок истории (к портрету П. А. Зайончковского) // Волгин И. Л. Странные сближенья. Национальная жизнь как литературный сюжет. — М.: Академический проект, 2019. — С. 389–293. (б)
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Стахеев Д. И. Группы и портреты // Исторический вестник. 1907. Январь. С. 86
6. Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье / пер. с польск. М. Кушниковой, сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. — 980 с.

Igor L. Volgin

Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

mail@volgin.ru

The Omsk Context. New Realities and Findings

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021 (“Dostoevsky: Life and Legacy. Biographical Lacunae. Perception of His Life and Work in the Russian National Consciousness (1881–1921)”).

Abstract. The article analyzes the results of the search conducted by a group of young researchers at the Russian State Military Historical Archive. As part of a scientific project led by the author of the article, M. Kalinin, E. Ogorodnikova, A. Podryabinkina discovered previously unknown archival documents associated with the period of Dostoevsky’s penal servitude in Omsk, to the actual historical context of the *Notes from a Dead House*. The article contains a number of observations and assumptions related to the prototypes of certain characters, the details of their biographies and the possible influence of this “biographical factor” on Dostoevsky’s fate. The author also offers a critical assessment (issue of authorship, degree of reliability, etc.) of fragments from the memoirs of Jozef Boguslavsky, which are published in Russian for the first time.

Keywords: Dostoevsky, *Notes from a Dead House*, Russian State Military Historical Archive, prototypes, Boguslavsky, Tokarzhevsky, Omsk prison, penal servitude, Polish trail

About the author: Volgin Igor L. — Doctor of Philology, PhD in History, Founder and President of Dostoevsky Foundation, Professor of the Faculty of Journalism, Moscow State University (ul. Mokhovaya 9 c 1, Moscow, 119019, Russian Federation)

Received: January 10, 2020

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Volgin I. L. The Omsk Context. New Realities and Findings. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 1, pp. 42–50. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4521 (In Russ.)

References

1. Volgin I. L. *Propavshiy zagovor. Dostoevskiy: doroga na eshafot* [*The Missing Conspiracy. Dostoevsky: The Road to the Scaffold*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 869 p. (In Russ.)
2. Volgin I. L. “Poetry Is Not Your Expertise”. In: Volgin I. L. *Nichey sovremennik. Chetyre kruga Dostoevskogo* [Volgin I. L. *Nobody’s Contemporary. Four Circles of Dostoevsky*]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, pp. 264–271. (In Russ.) (a)
3. Volgin I. L. A History Lesson (to the Portrait of P. A. Zayonchkovsky). In: Volgin I. L. *Strannyye sblizhen’ya. Natsional’naya zhizn’ kak literaturnyy syuzhet* [Volgin I. L. *Strange Rapprochement. National Life as a Literary Plot*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019, pp. 389–293. (In Russ.) (b)
4. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
5. Stakheev D. I. Groups and Portraits. In: *Istoricheskiy Vestnik* [*The History Herald*], 1907, January, p. 86. (In Russ.)
6. Tokarzhevskiy (Tokazhevskiy) Sh. *Sibirskoe likholet’e* [*Siberian Troubled Years*]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 980 p. (In Russ.)